

чтенія и затѣмъ по поводу знаменитой своей элегіи на тему смерти Тасса, Батюшковъ, увлекавшійся красотою и звучностію итальянскаго языка, не разъ находилъ русскій грубымъ и варварскимъ. Въ 1811 году онъ пишетъ Гнѣдичу: „Отгадайте, на что я начинаю сердиться? На что? На русскій языкъ и на нашихъ писателей, которые съ нимъ немилосердно поступаютъ. И языкъ-то по себѣ плоховать, грубенекъ, пахнетъ татарщиной. Что за *ы*? Что за *и*, что за *ш*, *шій*, *цій*, *пры*, *тры*? О варвары! А писатели? Но Богъ съ ними! Извини, что я сержусь на русскій народъ и на его нарѣчіе. Я сію минуту читалъ Аріоста, дышалъ чистымъ воздухомъ Флоренціи, наслаждался музыкальными звуками авзонійскаго языка и говорилъ съ тѣнями Данта, Тасса и сладостнаго Петрарка, изъ устъ котораго что слово, то блаженство“. Позднѣе, въ статьѣ объ Аріостѣ и Тассѣ, онъ говоритъ объ итальянскомъ языкѣ, въ сравненіи съ языками сѣверными: „Языкъ гибкій, звучный, сладостный языкъ, воспитанный подъ счастливымъ небомъ Рима, Неаполя и Сициліи, среди бурь политическихъ и потомъ при блестящемъ дворѣ Медичи-совъ, языкъ, образованный великими писателями, лучшими поэтами, мужами учеными, политиками глубокомысленными,—этотъ языкъ сдѣлался способнымъ принимать всѣ виды и всѣ формы. Онъ имѣетъ характеръ, отличный отъ другихъ новѣйшихъ нарѣчій и коренныхъ языковъ, въ которыхъ менѣе или болѣе примѣтна суровость, глухіе или дикіе звуки, медленность въ выговорѣ и нѣчто принадлежащее Сѣверу“. „Умирающій Тассъ“ (1816) внушаетъ Батюшкову такое размышленіе: „Я смѣшенъ, по совѣсти. Не похожъ ли я на слѣпое нищаго, который, услышавъ прекраснаго виртуоза на арфѣ, вдругъ вздумалъ воспѣвать ему хвалу на волынкѣ или балалайкѣ? Виртуозъ—Тассъ, арфа—языкъ Италіи его, нищій—я, а балалайка—языкъ нашъ, жестокій языкъ, что ни говори“. Но около того же времени онъ вноситъ въ свою записную книжку слѣдующія замѣчанія. „Каждый языкъ имѣетъ свое словотеченіе, свою гармонію, и странно было бы русскому, или итальянцу, или англичанину писать для французскаго уха, и наоборотъ. Гармонія, мужественная гармонія не всегда прибѣгаетъ къ плавности. Я не знаю плавнѣе этихъ стиховъ:

На свѣтло-голубомъ зенрѣ
Златая плавала луна, и пр.

и оды „Соловей“ Державина. Но какая гармонія въ „Водопадѣ“ и въ одѣ на смерть Мещерскаго: